

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Фильтр восприятия

Мазин Константин

Константин Родионович Мазин

Фильтр восприятия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66469628

SelfPub; 2021

Аннотация

Работа в Ирске, зачастую, приносит довольно много мучений, если хочешь что-то заработать. Это не боль в мышцах и суставах, а нечто совсем иное... Примером будет эта небольшая история о работе городского судьи.

Содержит нецензурную брань.

Константин Мазин

Фильтр восприятия

Профессия: Судья

– Так вы заявляете, что видели убийцу своими глазами? – спросил адвокат у свидетеля, уже понимая, что в ответе будет всего две буквы. Потом последует неловкое молчание, означающее что человек осознаёт необходимость добавления важных подробностей, но слова не находятся, а дальше к ответу уже прилагается дополнение, которое сделает предыдущие слова бессмысленными.

– Да...

Секунды раздумья, как и предполагал адвокат. Виктор уже не первый год в этой профессии и помимо вербального и невербального общения, к его умениям прибавилось постоянное чувство дежа вю, работающее на односложные ответы, к коим, впоследствии, и добавляются объяснения-дополнения.

– Но как я уже и говорил, я не помню лица нападавшего... – промямлил паренёк пятнадцати лет, – и какой смысл был отвечать: «да»?

По его прыщавому лицу стекал пот, сердце усиленно колотилось, а подростковые маленькие усики, казалось, трясутся вместе со всем ребёнком, которому довелось в столь юном возрасте столкнуться со взрослыми «развлечениями». В его волнении нет ничего удивительного. В пустом зрительном зале, состоящем из одного не выпавшегося студента, ре-

шившего посидеть тут и делать вид, что набираешься практики, может ничего страшного и нет, но вот спереди... Вдалеке сидит судья, чуть поодаль находится секретарь (секретарка), а с другой стороны его отец в худшем расположении духа. Где-то тут должна сидеть и мать, но она не смогла прийти по уважительным причинам.

– Я не знаю, кто убил маму, но это не папа. Он не мог! Слышите?! Не мог!

– Спокойнее, парень. Я на твоей стороне. Хочу доказать что твой папа невиновен. Помнишь? – Виктор чуть сбавил тон, чтобы судья не расслышал последнего вопроса.

– К чему всё это, Вить? – судья нарушил формальность, так как исход дела очевиден и не стоит мучать семью лживыми надеждами, – я только из уважения к тебе разрешил провести необходимые тесты, но до сих пор понятия не имею зачем. В Ирске много работы, найди других людей и отпусти сына с отцом. До меня дошли слухи, что он хотел сделать чистосердечное признание... Но из-за тебя отказался. Это так?

Подсудимый в клетке поднял глаза на судью, пару секунд смотрел на него, думая что ответить, а после, не найдя в себе силы принять решение о своей дальнейшей судьбе, решил поставить всё на адвоката, которому пообещал несколько зарплат за своё освобождение. В данный момент шансы настолько малы, что напоминают стол с рулеткой в казино, но правила изменились, теперь ставить можно исключительно на цифру, а не на чёрное красное или сектор. Исключи-

тельно цифра. Цифра «зеро» – ноль лет отсидки.

Адвокат оскалился. В душе. Не стоило показывать свою злость хорошему другу, который не перебивает твои бесконечные рассказы, когда речь юриста уходит далеко-далеко, даёт поблажки и рассказывает о делах, проваленных ещё до первого заседания, так как решены они в высоких кабинетах, за сотню километров от Ирска.

Кажется что ситуация и правда дерьмовая. Отец семейства проявляет агрессию и переусердствует домашним насилием, создавая домашнее убийство. Задержался на работе, пришёл в ночи и убил жену уже в течение часа... как говорит полиция. Если бы такой инцидент произошёл не в глуши, возможно, помимо большого срока в тюрьме, мужчина получил бы гору осуждения и гневные письма с пожеланием скорейшей смерти от представителей адекватной части общества, забывающего про кибербуллинг, которому сами и дали название всего несколько минут назад.

– Я как раз хотел перейти к основному рассказу, – соврал адвокат, так как имел козырь в рукаве, который может сработать только в тепличных условиях, которые стоило создать. Но и создать их не вышло...

– Давайте, – непонятный представитель от Ирска, который кое-как представился и даже не захотел документально присутствовать на суде, так как не брал свои документы, решил, высказался, непонятно зачем. Сейчас он является лишь свидетелем, основная его работа давно в бумажках, доверен-

ных этому господину, из-за каких-то связей, учитывая интересы к заседанию у молодого человека нет. Он лишь позорит себя, позорит своего начальника и позоря весь серьёзный процесс лазанием в телефоне

– Покиньте зал суда, пожалуйста! – обратился судья к непонятному типу, офигевая от наглости последнего.

Паренёк провел двумя пальцами по губам, символизирующим молнию, жестом говоря: «закрыл рот на замок».

– Продолжайте, – судья тяжело выдохнул после этого слова, пытаясь, успокоиться и не кинуть молотком со стола в бесцеремонного юнца, проявляющего явное неуважение к суду и всем присутствующим, включая уже пенсионера, остающегося на работе лишь чтобы такие клоуны как тот, что проявляет неуважение, не получили почётную и ответственную работу городского судьи.

– Спасибо. Итак, что дали психологические тесты? – обратился Виктор к отсутствующей публике, – я смотрю на выписку из клиники, предоставленной суду, в которой говорится о фильтре восприятия. Говоря простыми словами, данное отклонение говорит о том, что человек видит только то, что хочет видеть. Его мир из-за страхов, навязчивых мыслей или разыгравшейся фантазии отличается от настоящего мира. Это как человек представляющий, что живёт в мире с драконами, волшебниками и так далее. Как наркоман, – адвокат осёкся. Мало того, что он профански подошёл к проблеме, так ещё и сравнивает наркотики и больных людей.

Это уже не эйблизм – слово, про которое мир пока ничего не знает, тем более не говорит уже поседевшему судье, но люди потихоньку осознают, что слово «даун» нельзя приравнять к обзывательству «тупица». Бестолковый и отчаянный риск разбрасываться некорректными словами, на который можно пойти только лишь по крайней нужде. Такая нужда присутствует. Отец мальчика же попросил. Попросил отмазать его за кругленькую сумму и любым способом. Ну, а почему бы не рискнуть, – извините. Оговорился.

– Продолжайте, – произнёс судья, уже на всё закрывающий глаза, который не совсем понял, в чём осёкся адвокат и продолжал слушать.

– Я говорю о том, что парень видел, что хотел видеть.

– Суд это осознаёт. Вы говорите о том, что ребёнок не хотел бы осознавать, что его родитель может нанести вред другому родителю?

– Я этого не делал! – произнёс тот самый родитель – отец по имени Вадим. До этого он не подавал голос, слушая адвоката, который прямо перед заседанием заявил о «гениальной» и единственной идее. Хотя, пока Вадиму лишь добавляли срок, так как до этого сам папаша хотел сознаться в несовершеннолетнем, по его словам, преступлении и получить хоть какую-то поблажку в пару лет.

– Это всего лишь вопрос, – сказал судья, привыкший, что некоторые люди пытаются обидеться и найти причину подать иск на судью по причине некомпетентности, хотя дело,

зачастую, не решается. Слова судьи никак не преуменьшают ваших проступков.

– Вы не понимаете, к чему я это говорю, – перебил начинающийся цирк, в который очень часто переходит суд, адвокат, – ребёнок вообще не видел никакого убийцы, а эту сцену целиком и полностью выдумал.

Судья разозлился.

– Витя. В квартире три человека. Мать зарезали. Отец невиновен, по твоим словам. Ребёнок видел кого-то, но дверь была закрыта и камеры у подъезда почти никого не фиксировали вообще... Даже жильцов дома, которые в это время спали. Да, была пара ребят с алиби, мы про них говорили на прошлых заседаниях и ты не оспаривал их невиновность. Что сейчас изменилось? Почему ты просто не посоветовал Вадиму сделать чистосердечное признание?

– Я хотел... – тихо сказал тот самый Вадим, – моментально успокоившейся после агрессии. Его нестабильное состояние – норма для таких процессов.

– Потому что это неправда! – адвокат не заметил слов защищаемого гражданина.

– А кто тогда убил мать семейства? – чуть спокойнее спросил судья.

– Ребёнок. Ребёнок убил мать, а себе придумал сцену, что сделал это не сам. А отец всё знает и отмазывает сына! – импульсивно выпалил Виктор, напрочь забывший про субординацию.

– Папа, я... – тихо произнёс тот самый ребёнок.

– Заткнись! Заткнись! – отец неожиданно накричал на своего же адвоката, что случается не слишком часто. Или на своего сына? Такой эпизод может происходить регулярно, но не на публике же...

Тишина.

– Суд уходит на перерыв, – разбавил молчание голос судьи, явно сложившего все факты в одну картинку, который мозг видеть не хотел.

Тишина, разбавляемая стуканьем секретарши по клавиатуре, продолжалась. Девушка редактировала последние слова, в коих допустила ошибку и решила перепроверить написанное. Вскоре и к ней пришло осознание. Студент, разбуженный перепалкой судьи и адвоката, тёр виски и глаза, пытаясь совместить услышанное сейчас с пред сонными возмущениями судьи на нерадивого юнца, забывшего документ об образовании. Сам юнец сидел в телефоне и переписывался с кем-то, постоянно меняя свою улыбку на ухмылку и обратно. В данный момент ему стоило менять стратегию своего иска, пытаться найти правду, наказать виновного, сделать хоть что-то, но нет. Ему же пишет парень или девушка и мысли заняты лишь низменными потребностями глупого юнца.

На отце нет лица. Его жизнь кончена, а мужчина ещё не сталкивался с потерей либидо, не переживал кризис среднего возраста, не держал на руках внуков, хотя последнего очень желал. Ему давно перестали быть интересны низмен-

ные потребности, они давно удовлетворились, осталась лишь работа и семья. Семья, которая потеряла мать, а вскоре исчезнет и отец. Сын останется один, если его не упекут в психбольницу или тюрьму, из-за мудака-адвоката. Сын, которому ещё можно помочь. Его слёзы, стекающие по лицу настоящие, он захочет измениться, всё это случайность. Вадим молча смотрит на всех присутствующих в зале, а они на него. Образуется треугольник между Вадимом, секретаркой и студентом. Паренёк, что сидит вдали кивает, после этот жест повторяет и девушка. В какой-то момент показалось, что и дурачок-обвинитель что-то заподозрил, оглядываясь вокруг. Нет, просто посмотрел, где находится, видимо забыл.

Дверь открывается и входит судья.

– Я признаюсь в совершении убийства! Я убил свою жену.

– Папа.

– Я и только я.

Судья оглядывает зал, видит кивок от студента, от своей помощницы и отца. Видит слёзы мальчика, который наводит ужас. Его мокрое лицо действительно могло причинить вред своей матери? Могло быть лицом, наполненным злостью к своему родителю? Это не может быть правдой...

– Прошу убрать мою речь из протокола заседания, – сказал адвокат, собирая вещи, – я проиграл и вынужден уволиться. Денег я с Вас не возьму, до свидания.

По его щекам шли слёзы. Глупость от своего решения подставить несовершеннолетнего и взвалить тяжеленный груз

на всех участников процесса, знающего о больном ребёнке, давила на виски и глаза, злость на себя разрушала нормы приличия, адвокат бежал домой, забывая о светофорах и крича на всех вокруг нецензурщиной. В его мечтах лишь уютная ванна и средство для забытья...

Ребенок, который будет ходить по Ирску, не знал, что его дело даст работу HR, коим уже через несколько часов придётся искать людей для работы на должностях судьи и гос. адвоката.